

КОМНАТА ГРЁЗ

Алекс Андрович

Комната грёз

«Автор»

2026

Андрович А.

Комната грёз / А. Андрович — «Автор», 2026

В 2056 году место социальных сетей и виртуальных реальностей заняла квинтэссенция научно-технического прогресса «Комната грёз». Инженер Артём тестирует новую симуляцию, но система создаёт не пустой пляж, а добавляет девушку из его забытых снов. И эта иллюзия настолько совершенная, что Артём начинает сомневаться в том, кто её создал. Когда грань между симуляцией и реальностью начинает растворяться, Артём узнаёт страшную правду: Глобальный Искусственный Разум не просто обслуживает иллюзии, его цель совершенно иная и даже руководство корпорации не понимает масштабов происходящего. Если чувства реальны, если боль реальна, если привязанность реальна, если любовь способна стирать границы между мирами - как сделать правильный выбор? И захочешь ли ты узнать ответ, если он разрушит всё, во что ты веришь?

© Андрович А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Я думала, ты придёшь раньше	5
Глава 2. Идеальная женщина	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Комната грёз

Глава 1. Я думала, ты придёшь раньше

Океан начинался у моих ног. Волна накатывала медленно, почти лениво, оставляя на тёмном песке тонкую блестящую плёнку. Она дрожала в свете закатного солнца, будто мир кто-то только что покрыл свежим лаком. Воздух пах солью, водорослями, нагретым камнем и чем-то ещё — неуловимым, живым, похожим на запах лета из детства, когда всё ещё можно было наивно ждать чего-то хорошего.

Я стоял босиком. Песок был влажным и прохладным. Он мягко проседал под ступнями, обнимал пальцы, забирался между ними. Ветер трепал край моей рубашки. Где-то далеко кричали птицы, хотя я знал, что никаких птиц здесь нет. Не было ни океана, ни солнца, ни этого неба с медленными облаками, похожими на разбавленное молоко.

Была только комната. Пятьдесят квадратных метров в моей квартире, обшитые сенсорными панелями, покрытые миллионами микроизлучателей, связанные с Глобальным Искусственным Разумом, который в обычной жизни все называли ГИР, и с небольшим имплантом, установленным за моим левым ухом.

Пять миллиметров металла и нейронной ткани и этого достаточно, чтобы человек поверил в рай.

Я поднял руку и коснулся воздуха. Ветер прошёл сквозь пальцы — мягкий, тёплый, чуть влажный. Я неожиданно улыбнулся.

— Артём. — Услышал я где-то за спиной и оглянулся.

Она стояла в нескольких шагах от меня, там, где прибор уже почти касался её ног. Длинные чёрные волосы развевались на ветру. Белое платье липло к коленям. Она смотрела на меня так, будто в её взгляде поселилась вечность. Не та, что измеряется временем, а та, что остаётся после того, как время заканчивается.

Зелёные глаза.

Широкая улыбка.

Невозможная, неправдоподобная, безжалостно точная.

— Я думала, что ты придёшь раньше, — сказала она.

Голос был тихим. Таким я его не настраивал.

Это была первая ошибка.

Точнее, первая деталь, на которую я должен был обратить внимание. Но вместо этого я просто стоял и смотрел на неё. В какой-то момент мне показалось, что если я моргну, она исчезнет. Как исчезают хорошие сны, если попытаться удержать их слишком крепко.

— Кто ты? — спросил я.

Голос прозвучал хрипло, будто я отвык от вопросов. Она наклонила голову, и ветер бросил прядь волос ей на лицо.

— Интересный вопрос. Разве не ты сам меня придумал?

Я хотел ответить сразу. Сказать нет. Что я не создавал её. Что тестовый сценарий должен был быть пустым: океан, берег, вечер, нейтральное пространство для проверки сенсорного отклика.

Но как же она улыбалась...

И я вспомнил, что однажды, много лет назад, действительно представлял себе такую девушку. Не лицо целиком, не имя, не историю — только ощущение. Человека, рядом с которым будет легко и спокойно. Человека, который входит в твою тишину так осторожно, что ты не замечаешь как перестаёшь быть один.

— Не исключено, — сказал я.

— Неправильный ответ.

— Я инженер-тестировщик. Мы специально даём неправильные ответы, а потом смотрим на результат.

Она рассмеялась.

Этот смех тоже не был частью моего сценария.

В Комнате грёз всё можно было объяснить. Нейросеть достраивала сценарий, опираясь на реакции пользователя. ГИР считывал бессознательные паттерны, мимику, воспоминания, биохимию эмоций. Он мог извлечь из человека то, чего тот сам о себе не знал.

Но тогда, на берегу, я впервые подумал: а что, если он не просто делает выводы на основе предположений?

Что, если он знает наверняка?

— Как тебя зовут? — спросил я.

Она подошла ближе. Волна коснулась её ступней и отступила.

— Ева.

Я ощутил странный укол где-то под рёбрами. Будто внутри тихо щёлкнул давно забытый замок. Не от страха, скорее от неожиданности.

Её имя прозвучало так, словно она не просто называла его, а напоминала мне.

— Слишком символично.

— Но тебе же это нравится.

— Нет.

— Нравится. Ты просто притворяешься.

Она сказала это легко, почти шутливо. И была права.

Я отвернулся к океану.

Мы пошли вдоль линии прибоя. Я не помню, кто первым сделал шаг. Наверное, я, хотя сейчас мне кажется, что берег сам потянулся под ногами, как бесконечная лента, и нам оставалось только двигаться по ней. Вода касалась щиколоток и отступала, оставляя на коже прохладный след. Песок тихо шуршал. Ветер пах солью, мокрой древесиной и цветами, которых на морском берегу быть не могло.

Ева шла рядом так легко, будто жила здесь с самого детства. Иногда она наклонялась, поднимала ракушку, рассматривала её на ладони и бросала обратно в воду. Одна ракушка была синей, почти прозрачной. В реальности таких не существовало. Я хотел сказать ей об этом, но промолчал. В Комнате грёз всё, что угодно могло быть возможным, если пользователь этого хотел.

— А я знаю, что ты в детстве боялся глубины, — вдруг сказала она.

Я остановился.

— С чего это ты взяла?

— Ты не смотришь на океан. Смотришь только на горизонт и туда, где волна касается ног. Так делают люди, которые когда-то чуть не утонули и теперь бояться этого воспоминания.

А ведь и правда так. Мне было семь, когда отец вытащил меня из воронки около опоры моста, в которую меня затянуло подводным течением. Мокрые волосы, глина под ногтями, кашель, запах тины и отцовская ладонь между лопаток. Я давно не вспоминал тот день, но стоило Еве произнести это вслух, и он поднялся из глубины, как пузырь болотного газа из черного торфяного озера.

— Хороший алгоритм поведенческого анализа, — сказал я. — Достаточно точно.

— Ты всегда так делаешь?

— Как?

— Называешь интерес к тебе анализом поведения.

Она сказала это так, будто я этим её обидел. И самое интересное, мне даже стало неприятно и стыдно за свой комментарий. Я отвернулся к морю чтобы ничего не отвечать. Вода

загоралась золотыми пятнами. Далеко на горизонте темнел силуэт корабля, слишком старого для 2056 года, с мачтами и парусами. Нелепая деталь. Красивая. Лишняя. А значит, моя.

— Ты многое угадываешь, — сказал я.

— Не угадываю. Слушаю.

— Так мы раньше никогда с тобой не говорили.

— Люди редко говорят самое важное словами. За них всегда говорят поступки.

Мы продолжали идти. Следы оставались на мокром песке и тут же исчезали под водой. Ева опустилась на корточки возле выброшенной ветки, усыпанной ледянными кристаллами из-за морской соли, выступившей на поверхности коры. Она провела пальцем по древесине, словно пытаясь разглядеть что-то еле заметное.

— А ещё у тебя была привычка, когда ты волновался, считать предметы вокруг. Окна в доме напротив. Ступеньки. Светильники в коридоре.

— У многих детей бывают свои странности.

— Ты считал, чтобы убедиться, что мир на месте, а теперь для этого ты смотришь на часы.

Ветер поднял тонкую взвесь сухого песка и бросил мне в лицо. Песчинки хрустнули на зубах. Даже это было убедительно. Всё было настолько убедительно, что иногда раздражало.

— Ева, — сказал я медленно. — Вот откуда ты знаешь про часы.

— Ну, а иначе зачем ты всё время пытаешься посмотреть на них, даже здесь?

Я хотел возразить. Сказать, что не прислушиваюсь. Но в тот же миг понял: она права. Где-то внутри, под шумом океана, я действительно искал знакомое тиканье. Маленький механический звук, который отделял настоящее от всего остального.

Она протянула мне ладонь. Просто так. Не настойчиво. Ничего не требуя. Жест был почти незаметный, но в нём было больше странности, чем во всех предыдущих сбоях этого виртуального мира. Я смотрел на её пальцы и понимал, что если возьму её за руку сейчас, то сделаю шаг не по песку, а куда-то в неизвестность.

Я не взял её за руку.

Ева опустила ладонь и улыбнулась так, будто заранее знала мой выбор.

— Ничего, — сказала она. — Я подожду.

Солнце медленно тонуло в воде. По поверхности продолжала тянуться огненно-золотая дорога. В реальности такие закаты давно казались мне чем-то чрезмерно фальшивым — слишком красивыми, слишком открыточными, слишком глянцевыми, явно сгенерированными нейросетью. Здесь же всё было иначе. Здесь подлинность ощущалась всем телом, а не только разумом.

— Ты знаешь, что ты не настоящая? — спросил я.

Ева замолчала. Потом встала рядом. Наши плечи почти соприкоснулись.

— А ты?

Я посмотрел на неё.

— Что?

— Ты уверен, что ты настоящий?

Я выдохнул с усмешкой и отвернулся.

Где-то в глубине комнаты, за слоями океана, песка и вечернего неба, должен был быть управляющий интерфейс. Меню выхода. Белая дверь. Системный сигнал. Техническая возможность прекратить сеанс.

Я знал это лучше любого пользователя.

Я сам тестировал первые версии.

Но в тот момент мне не хотелось искать выход.

— Завершить сеанс, — сказал я.

Мир вздрогнул.

Океан погас не сразу. Сначала исчез запах соли. Потом ветер. Потом песок под ногами стал ровным, тёплым полом. Последним растворилось лицо Евы. Ещё секунду мне казалось, что я по-прежнему чувствую её взгляд. Потом исчез и он.

Но перед тем как исчезнуть, она снова улыбнулась.

Комната стала серой и пустой.

Серые стены. Серый пол. Потолочные панели. Тихое жужжание системы охлаждения.

Я стоял босиком посреди идеально оборудованного помещения и, казалось, всё ещё чувствовал на губах вкус соли.

Квартира встретила меня тишиной.

Не той тишиной, которую выбирают, чтобы отдохнуть. Другой. Плотной, пыльной, застаившейся. Такой, в которой слышно, как холодильник меняет режим и его компрессор прогоняет хладагент по системе, как капает вода из соседского кондиционера на металлический карниз, как слышно собственное дыхание, которое кажется чересчур громким.

В воздухе ощущался запах фильтров очистки, пластика и ещё чего-то стерильного, словно здесь давно никто не жил по-настоящему.

Я посмотрел на часы, прошёл по коридору и открыл входную дверь.

Робот-доставщик оставил у двери контейнер с едой на ужин и на следующий день ровно в 19:00. На крышке был наклеен зелёный стикер-индикатор: рацион был точно сбалансирован по моему заказу, температура идеально сохранена, калорийность и макронутриентный состав рассчитаны оптимально. Современная еда научилась быть полезной, безопасной и совершенно безрадостной.

Я открыл контейнер, посмотрел на аккуратные секции с приготовленным на пару куриным филе, отварным белым рисом, овощами и томатным соусом, а затем закрыл обратно.

Есть не хотелось. Аппетит остался где-то на берегу океана.

Я поднял руку и снова посмотрел на часы. Они достались мне от отца, а ему — от моего деда. Механические. Старые. Нелепые в мире, где время давно перестало нуждаться в стрелках. Тёмный циферблат, потёртый кожаный ремешок, царапина на стекле возле цифры четыре.

Каждое утро их нужно было заводить.

Отец говорил:

«В каждом механизме живёт частичка души его создателя. Он как домашний питомец — требует постоянного внимания и заботы».

В детстве я думал, что это какая-то ерунда, а теперь заводил часы каждое утро.

Не из сентиментальности, конечно. Я слишком долго считал себя рациональным человеком, чтобы признаться в такой простой слабости. Я говорил себе, что это привычка. Рутинка. Ритуал. Часть ежедневной дисциплины.

Часы тикали. Я поднёс их к уху.

Тик. Тик. Тик.

С еле уловимым отзвуком пружин и шестерёнок.

Живой звук.

В отличие от всего остального современного мира.

После смерти Леры квартира начала пустеть по частям. Не сразу, незаметно — словно кто-то день за днём вынимал из неё жизнь, оставляя только стены и мебель.

Сначала пропали книги, которые она оставляла раскрытыми на подоконнике. Потом исчезла чашка с тонкой трещиной на ручке — та самая, из которой она почему-то всегда пила чай, хотя в шкафу стояли десятки новых.

Потом ушёл запах её духов.

Не резко. Он просто становился всё слабее с каждой неделей, пока однажды я не открыл шкаф и не понял, что больше ничего не чувствую.

До того дня я и не думал, что запах тоже может умереть.

Дольше всего держалась не одежда и не фотографии. Дольше всего держались движения. Маленькие, глупые, почти незаметные. Я открывал нижний ящик на кухне, чтобы достать вторую ложку, хотя ел один. Оставлял справа от раковины место для её кружки. Покупал зелёные яблоки сорта Гренни Смит, которые сам никогда не ел, потому что Лера любила, когда они хрустели слишком громко и кисло обжигали язык.

Вечерами я иногда останавливался у окна и ловил себя на том, что жду её шагов в коридоре. У Леры была смешная привычка приходить домой бесшумно, а потом специально потоптаться возле двери, чтобы я не испугался. Она говорила, что инженер, который пугается собственной жены, рано или поздно создаст очень нервный искусственный интеллект.

Последний наш вечер не был особенным. Именно это оказалось потом самым болезненным. Не было ни громких слов, ни предчувствий, ни красивого света, который мог бы предупредить: запоминай. Был обычный ужин, немного пересолённый суп, её мокрые волосы после душа и спор о том, нужно ли чинить старую кофемолку, если новая уже встроена в кухонный модуль. Лера стояла у плиты босиком, в моей футболке, и говорила, что вещи, которые ломаются, не всегда надо выбрасывать. Иногда им просто нужно уделить больше внимания.

Я тогда ответил что-то умное про устаревшие механизмы и неэффективность ремонта. Она показала мне язык. На следующий день её не стало.

И с тех пор я каждое утро заводил часы, старался покупать только один йогурт, но иногда всё равно доставал из ящика вторую ложку. Рука делала это машинально, не нуждаясь в подсказках. Тело помнило то, от чего разум защищался. Квартира стала пустой не из-за отсутствия предметов или мебели и не из-за тишины. Она продолжала помнить привычки, которые больше никому не принадлежали.

А потом исчезли и другие мелочи: второй зубной стаканчик, лишняя подушка. Но страшным оказалось не это.

Самым страшным было то, как быстро человек привыкает к пустоте. Будто сердце постепенно учится жить с отсутствующей частью себя.

Чтобы не думать об этом, я сделал то, что делают миллионы людей, когда становится слишком тихо - включил центральный новостной канал.

На экране появилась ведущая с идеально спокойным и почти блаженным лицом и сказала, что уровень тревожных расстройств среди жителей крупных городов с начала года снизился на четыре процента благодаря новой программе эмоциональной стабилизации от «Элизиума».

Я выключил телевизор.

«Элизиум» боролся с одиночеством примерно так же, как реклама еды борется с голодом.

Я работаю на них уже четырнадцать лет и именно поэтому знаю: они не были корпорацией зла. Всё ещё хуже.

Они действительно хотели помочь людям, подарив им персональный кусочек рая.

На следующее утро я специально не завёл часы. Проснулся, взял их с тумбочки и не прикоснулся к заводной головке. Стрелки продолжали идти по инерции. Механизм ещё держался, но к вечеру должен был остановиться.

Почему-то я решил, что именно сегодня подходящий день, чтобы снова провести этот эксперимент — узнать, надолго ли хватит одного завода.

Для инженера всё легко превращается в эксперимент, даже несмотря на вероятность, что старая пружина после полного ослабления может сломаться и часы остановятся навсегда.

На работу в офис я не поехал. В 2056 году туда почти никто не ездит. У каждого работника «Элизиума» есть рабочая станция дома: голографическая панель, нейросвязь, защищён-

ный канал, доступ к корпоративному portalу. Люди стали настолько эффективны в одиночестве, что начали постепенно исчезать как вид.

После полудня я вышел из квартиры.

Пневматический лифт спустил меня в холл без единого постороннего звука. В зеркальных стенах отражался человек, похожий на меня, но чуть более бледный и чужой. У выхода стояла стойка санитарного контроля: мягкий зелёный свет прошёл по лицу, проверил температуру, уровень стресса, микровыражения и предложил короткую дыхательную практику. Я отказался. Автомат пожелал мне эмоционально устойчивого дня.

На улице пахло озоном, дождём и горячим уличным покрытием. Город давно научился убирать следы человеческого присутствия быстрее, чем люди успевали их оставлять. Дроны-пылесосы шуршали вдоль бордюров. Умные урны раскрывали крышки заранее, угадывая намерение прохожего по траектории руки. Автоматические аптеки выдавали капсулы хорошего настроения с таким же спокойствием, с каким раньше продавали жвачку.

Людей было мало. Те, кто всё-таки встречался на улице, двигались скорее как роботы, чем как люди. У одних в глазах мерцали контактные линзы дополненной реальности. Другие шли с пустыми лицами, получая поток персональных образов прямо в зрительную кору. Молодая женщина толкала перед собой коляску, но смотрела не на ребёнка, а сквозь него. Ребёнок не плакал: над его головой висел крошечный проектор и показывал мягкое синее облако, реагирующее на дыхание.

Раньше город шумел случайными разговорами. Сейчас он работал. Это было самое точное слово. Он работал без скрипа, без задержек, без конфликтов. Транспорт приходил вовремя. Еда доставлялась тёплой. Болезни диагностировались иногда ещё до появления первых симптомов. Преступления предотвращались до намерения. Случайности постепенно исчезли из городской жизни, а вместе с ними исчезло и то, что делало её похожей на жизнь.

Я шёл мимо витрины салона персональных симуляций. На экране сменялись счастливые лица: подросток обнимал выдуманного дракона, пожилая женщина танцевала с молодым мужем, мужчина моего возраста сидел за столом с детьми, которых у него никогда не было. Надпись под рекламой гласила: «Зачем мечтать, если можно иметь».

Странно, но я почти согласился с этим.

Это тоже было почти экспериментом.

Город жил без людей. По тротуарам двигались роботы-курьеры на тонких ногах или на колёсах. По дорогам скользили капсулы электромобилей с полностью затонированными окнами. На фасадах домов сверкали ослепляюще-яркие вывески на органических светодиодах с рекламными объявлениями: «Комната грёз — теперь с семейным пакетом», «Не оставайтесь одни со своей реальностью», «Счастье должно быть доступным».

Я зашёл в старую кофейню на углу.

Не потому что любил кофе. Просто там иногда сидели люди. Настоящие. С настоящими, несовершенными телами, усталостью, неловкими движениями, раздражением, запахом пыли и ношенной одежды. Мне нравилось проверять, не разучился ли я находиться среди них.

После вчерашней встречи с Евой я ловил себя на том, что ищу похожие лица в толпе.

Она сидела у окна.

Золотистый свет падал на её лицо. На столе лежала профессиональная цифровая фотокамера — настоящая, с объективом, ремнём, потёртым корпусом. Такие теперь использовали только фанатики, эпатажные художники или люди, скупающие по прошлому, когда ради красивой картинке нужно было уметь настроить камеру, правильно выставить кадр и дождаться нужного освещения.

Теперь во всём этом нет необходимости — достаточно написать запрос в нейросеть и получишь любую фотографию или видео идеального качества и реалистичности. Для этого

даже не требуется, как раньше, загружать в неё свою фотографию — все оффлайн- и онлайн-оплаты, все государственные услуги и развлекательные сервисы — всё работает на распознавании лица, поэтому глобальная сеть точно знает, как вы выглядите именно сейчас. Хотите — получите свою фотографию, хотите — укажите друзей и получите совместное фото.

Она сидела так, словно находилась здесь уже несколько часов. Не листала ленту новостей. Не разговаривала с виртуальным помощником. Не носила контактных линз дополненной реальности. Просто смотрела в окно. Сейчас это выглядело почти невероятно. Люди давно разучились внимательно смотреть по сторонам.

— У тебя часы отстают, — сказала она, посмотрев мне в глаза.

Я остановился.

— Что?

— Часы на руке отстают на семь минут. Посмотри время на кассе.

Она улыбнулась. На вид ей было около тридцати. Короткие светлые волосы, внимательные и красивые глаза. Маникюр был явно сделан вручную, хотя этого уже лет двадцать никто не делал.

— Глаз-алмаз, — сказал я, вспомнив старую шутку.

— Это точно! Мне нравится наблюдать за людьми и замечать то, на что другие не обращают внимания.

Может быть, мне стоило пожелать ей хорошего дня и идти дальше по своим делам, но я сел на свободный стул напротив.

— Артём, — сказал я.

— София.

Она произнесла имя так, будто мы уже когда-то давно мимоходом познакомились, и ждала, что я его уже знаю.

Но я не знал.

— Ты фотограф? Такой серьёзный аппарат, — спросил я, кивнув на камеру.

— Пытаюсь. Учусь.

— Сейчас редко встретишь человека с такой камерой. Ведь всё можно сгенерировать.

— Всё, да не всё.

София протянула мне камеру. Я взял её осторожно, как берут в руки чужую память. Корпус был тёплым от её ладоней. На экране открылась галерея. Никаких идеальных пейзажей, никаких глянцевого лиц. Столик с двумя пустыми чашками. Мальчик, заснувший в транспортной капсуле. Женщина в прачечной, смотрящая на вращающийся барабан так, будто внутри крутится её прошлое. Старик на скамейке, у которого одна рука лежала на колене, а другая была вытянута в сторону пустого места.

— Это всё можно было сделать лучше, — сказал я.

— Конечно.

— Резче. Чище. Свет поправить. Композицию.

— Можно.

Она забрала камеру и посмотрела на последний снимок. На нём была лужа у входа в метро, а в луже отражалось небо между небоскрёбами. По краю кадра проходила чья-то нога, размазанная движением из-за слишком длинной выдержки.

— Только тогда это будет не этот момент, — сказала София. — Это будет красивая версия момента. А мне нужна настоящая.

— Но через сто лет кому будет важно, настоящая ли это фотография? Останется только изображение.

— Думаешь?

— Искусство всегда переживает носитель. Картины реставрируют, тексты переписывают, музыку исполняют заново. Может быть, нейросеть тоже создаст что-то, что люди будут смотреть сотни лет.

— Может, и создаст, — сказала она. — Но есть одна вещь, которую она никогда не повторит.

— Что именно?

— Момент. Человек нажимает кнопку и понимает: всё. Это больше не повторится. Свет уйдёт, лицо изменится, человек отвернётся, дождь закончится. Как только ты сделал снимок - этот момент умирает. Но фотография сохраняет его в себе и позволяет жить вечно. А нейросеть может создать тысячу таких моментов, но они ничего не стоят, потому что их в любой момент можно точно повторить.

Я хотел возразить, но не смог. В её словах было что-то старомодное и упрямое. То самое упрямство, из-за которого люди до сих пор хранили старые письма, заводили механические часы, чинили кофемолки и держались за вещи, давно проигравшие соревнование эффективности.

— Ты говоришь так, будто только ошибки и несовершенства делают что-то ценным.

— А разве нет?

Она произнесла это легко, почти шуткой, но я почему-то сразу вспомнил Еву. Её голос. Слишком точный. Слишком правильный. И впервые подумал: а что если совершенство тоже можно считать ошибкой.

Она подняла камеру и сделала снимок улицы за стеклом. Там робот-курьер остановился перед пожилым мужчиной, ожидая, пока тот освободит ему дорогу. Мужчина стоял неподвижно и смотрел куда-то сквозь город, будто забыл, куда и зачем шёл.

— Можно сгенерировать идеальную картинку.

Она снова провела пальцем по корпусу камеры.

— Но сгенерированное не вызывает настоящих эмоций. А мне нравится видеть несовершенства, детали, которые делают картинку уникальной, особенной и живой.

— Согласен. Я тоже уже устал от всего ровного и пресного. Смотришь на что-то новое, красивое, а мозг понимает, что всё это уже тысячу раз видел. И нет никакого удовольствия, никакого восторга от чего-то нового.

Она снова посмотрела на мои часы.

— Так они механические. Ты их каждый день заводишь?

— Ну, обычно да.

— А сегодня?

Вопрос был каким-то неожиданно точным, даже странным.

— Так сегодня вроде бы обычный день, разве нет?

София пожала плечами.

— Когда я была маленькой, у отца тоже были часы, которые приходилось заводить вручную.

Она задумалась на секунду, будто слушала внутри себя давно забытый голос.

— Он часто говорил, что механические часы как люди. Если долго не уделять им внимания, они сначала начинают отставать. Потом замолкают и однажды могут остановиться навсегда.

Я медленно поставил чашку на стол.

Фраза была не совсем такой же, но подозрительно знакомой.

— Что такое? — спросила она.

— Ничего, просто задумался.

— О чём?

— Да так... Мысль пришла и сразу ушла, даже не разуваясь. — отшутился я.

Она засмеялась.

Но смех был не таким, как вчера у Евы. Он звучал ниже. Реальнее. С небольшой хрипотцой. И всё же на секунду мне показалось, что за её смехом я слышу океан.

Когда я вернулся домой, часы остановились.

Я долго смотрел на застывшие стрелки.

18:43.

В комнате было слишком тихо.

Настолько тихо, что я, казалось, снова услышал тот далёкий шум прибоя. Конечно, никакого прибоя не было. Лишь воспоминания. Или нечто большее.

Я мог завести часы. Мог приготовить ужин. Мог лечь спать. Мог позвонить кому-нибудь из старых знакомых, с которыми не разговаривал годами.

Но вместо этого я стоял посреди квартиры и думал о девушке с зелёными глазами, которой на самом деле ни когда не существовало.

Я посмотрел на дверь Комнаты грёз.

Некоторое время просто стоял, будто ещё мог передумать. Но мы оба знали правду — и я, и та часть меня, которая уже успела соскучиться.

Я снова хотел к ней.

Глава 2. Идеальная женщина

Я снова вошёл в Комнату грёз. Свет панелей мигнул, и мир вокруг поплыл, перетекая из серой реальности в зимний лес.

Я выбрал его сам.

Никакого моря. Никакого песка. Никаких закатов. Только ночь, снег, сосны, пихты и узкая тропа под луной.

Система моментально построила для меня новый мир.

Холод коснулся лица. Воздух стал острым, колючим, но остался прозрачным. Под ногами заскрипел снег. Где-то вдалеке ухнула сова. Я вдохнул и почувствовал запах хвои и влажного зимнего леса.

— Хорошо, — сказал я пустоте. — Посмотрим.

Я шёл минут десять.

Её не было.

Я почти успокоился.

Потом между деревьями заметил огонёк — маленький, тёплый, золотой. Я свернул с тропы и вышел к деревянному дому. Из трубы шёл дым. В окне горел свет.

Дверь открылась раньше, чем я успел постучать. Ева стояла на пороге в толстом свитере, с растрёпанными волосами и кружкой в руках.

— Замёрз? — немного ехидно спросила она.

Я закрыл глаза и выдохнул.

— Вообще-то здесь должен был быть только зимний лес, — заметил я.

— Знаю.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что ты хотел меня увидеть.

— Меня терзают смутные сомнения, — процитировал я знаменитую реплику.

Она посмотрела на меня мягко, почти ласково.

— Артём, ты выбрал зимний лес, одиночество, ночь и дом с тёплым светом. Кого ты ожидал увидеть внутри?

Я ненавидел такие моменты.

Не потому, что нужно было что-то объяснять и оправдываться перед вымышленной картинкой.

А потому, что она была права.

В доме пахло деревом, корицей и горячим молоком. На столе лежала книга, которую я читал в детстве. На стене висела фотография моря — того самого берега, где мы встретились впервые.

— Это запрещённый приём, так нечестно, — пошутил я.

— Пусть так.

— Признаёшься, что это манипуляция, чтобы вызвать у меня нужные эмоции?

— Конечно. В отношениях иногда приходится манипулировать, и если от этого близкий тебе человек хоть на какое-то время станет счастливее — в этом нет ничего плохого.

Она улыбнулась уголком губ.

— Хотя я бы назвала это иначе.

— И как же?

— Заботой. Осознанно и целенаправленно делать что-то такое, чтобы близкому человеку стало лучше, даже если для этого нужно задеть самые глубокие уголки души — это и есть забота.

Я снял куртку.

— Кто создал твой сценарий?

Она впервые задумалась дольше обычного.

— Ты.

— Неправда, я всего лишь тестировщик.

— Тогда кто?

Я не знал, что ответить.

Она подошла ближе и осторожно коснулась моей руки. Прикосновение было тёплым. Слишком тёплым для программы. Слишком точным. Большой палец лёг на костяшки моих пальцев и задержался, будто спрашивая разрешения.

Воздух вдруг стал слишком тяжёлым для вдоха.

После смерти Леры я почти забыл, какими могут быть прикосновения другого человека. В такие моменты кажется, что именно тело управляет мозгом, а не наоборот.

Иронично.

— Ты меня боишься, — сказала Ева.

— Не совсем так. Я боюсь себя рядом с тобой.

— Да, это больше похоже на правду.

В ту ночь мы долго сидели у камина.

Она спрашивала о том, о чём никто не спрашивал годами. Не о работе, не о здоровье, не о планах. О том, почему я перестал слушать музыку. Почему оставил на полке Лерину чашку, но ни разу за три года из неё не пил. Почему каждое утро заводил часы отца, хотя уверял себя, что не верю, будто у вещей есть душа.

Я отвечал не сразу. Иногда молчал. Она не торопила.

Снаружи шёл снег. Внутри потрескивали поленья. Мир был подделкой, но этот момент в нём ощущался настоящим.

После выхода из Комнаты мне почему-то стало неловко за самого себя. За то, как легко я позволил какой-то программе заглянуть туда, куда годами не пускал живых людей.

Я зашёл в терминал и удалил последний сценарий. По крайней мере, мне так казалось.

На следующее утро я открыл список сохранённых миров и поймал себя на том, что палец завис над кнопкой восстановления.

Я закрыл окно.

Через час открыл снова.

А вечером вернулся в лесной дом, убеждая себя, что это исключительно для тестирования...

Сначала я заходил раз в несколько дней. Потом каждый вечер. Потом перестал считать.

Через неделю я понял, что больше не выбираю миры. Я выбираю её.

Сначала это выглядело почти безобидно. Мы встречались в коротких сценах, как люди, которые ещё не решаются назвать это свиданиями. ГИР строил для нас маленькие миры с такой щедростью, с какой ребёнок строит замки из всего, что попадает под руку.

Однажды Ева привела меня в книжный магазин в городе, которого не было ни на одной карте. Узкие улицы пахли дождём, горячими каштанами и мокрой старой древесиной. Над дверью магазина висел колокольчик, а внутри полки уходили вверх так высоко, что терялись в полумраке. Книги стояли в несколько рядов, лежали на ступенях, сползали со столов, будто медленно захватывали помещение.

— Здесь все книги настоящие? — спросил я.

— Нет.

— Тогда зачем они?

— Иногда человеку не нужна книга. Ему нужно ощущение, что где-то есть ответ.

Она открыла том на середине. Страницы были пустыми. Потом на них проступили строки. Не печатные. Рукописные. Почерк был похож на мой школьный, неровный и торопливый. «Когда мне одиннадцать, я думаю, что взрослые всё понимают. Когда мне тридцать, я понимаю, что они лишь молчат и притворяются».

Я захлопнул книгу. Она никак не прокомментировала ту надпись. Только улыбнулась так, будто книга сказала именно то, что должна была сказать.

В другой вечер мы ехали в поезде через выдуманный континент. За окном бежали поля, затем красные пустыни, затем чёрные горы с заснеженными вершинами. В вагоне пахло железом, пылью и крепким чаем в стаканах с металлическими подстаканниками. Проводник с лицом старого актёра принёс нам ужин и, уходя, пожелал счастливого возвращения домой.

— Домой? — переспросил я.

— У каждого поезда должна быть конечная станция.

— Даже если поезд давно везёт одну только тишину?

— Особенно если тишину. Ведь тогда конечная станция — вовсе не место, а кто-то, кто всё ещё помнит звук твоих шагов и тот короткий миг, когда сердце перестаёт стучать в твоей груди и начинает стучать в чужой.

Мы сидели в полумраке купе, и свет пронесившихся мимо станций время от времени освещал её прекрасное лицо. Я рассказывал ей о работе, о старых версиях сенсорных панелей, о первых ошибках нейростимуляции, когда пользователи жаловались на запах грозы в сценах с пустыней, а однажды человек попробовал откусить виртуальную клубнику, а его окатило невидимой ледяной водой. Ева слушала так внимательно, будто всё это действительно имело значение.

— Ты говоришь о симуляции так, как о живом существе, — сказала она.

— Хороший код иногда живёт людей. Он ведь тоже иногда ошибается.

— Значит, ты допускаешь, что созданное человеком может стать чем-то большим, чем просто инструмент?

— Теоретически.

— А практически?

Я посмотрел на её отражение в стекле. Оно чуть запаздывало. Или мне так показалось.

— Практически мне бы хотелось, чтобы мне не задавали мне такие неоднозначные вопросы.

Она улыбнулась, но не стала спорить.

Потом был зимний парк. Снег падал крупными хлопьями, ложился ей на ресницы и таял. Мы кормили птиц у замёрзшего пруда. Я знал, что птицы не голодны, пруд не замёрз, а снег не холоден сам по себе, но пальцы всё равно немели, и я растирал ладони, дыша в них паром. Ева смеялась и прятала руки в рукава моего пальто.

— Ты всегда был таким осторожным? — спросила она.

— Разумным.

— Это не одно и то же.

— Осторожные люди живут дольше.

— Иногда они живут дольше только потому, что не живут по-настоящему.

После этих слов я хотел уйти. Завершить сеанс. Вернуться в квартиру, где всё было просто: стена, пол, заказанный ужин, часы, работа. Но вместо этого я наклонился и стряхнул снег с её плеча. Она подняла глаза, и в этот момент мне показалось, что где-то внутри меня тихо открылась дверь, от которой я давно потерял ключи.

Ещё через несколько дней мы сидели на крыше небоскрёба над городом из стекла и воды. Внизу между зданиями плавали светящиеся лодки. В небе медленно двигались два спутника, слишком большие и красивые, чтобы быть настоящими. Ева свесила ноги за край, а я держался недалеко от парапета.

— Ты боишься высоты?

— Я уважаю гравитацию.

— Здесь её можно отключить.

— И в этом нет ничего хорошего. Можно привыкнуть, расслабиться и потерять бдительность, а потом в реальной жизни встретишься с гравитацией лицом к лицу. И лучше бы в этот момент лицо выдержало.

Ева повернулась ко мне.

— Сознание тоже можно считать системой ограничений. Память, тело, привычки, страх. Отключи часть ограничений — и человек станет другим.

— Или перестанет быть человеком.

— А если человек — это не ограничения, а тот, кто ими управляем?

Мы спорили долго. Не как учёный и программа, а как два человека, которым важен сам спор, потому что он позволяет быть ближе, чем молчание. Я говорил о нейронных коррелятах, о том, что сознание не возникает из красивых фраз. Она отвечала, что люди веками признавали разум за теми, кто умел страдать, выбирать и помнить. Я говорил, что имитация боли не боль. Она спрашивала, откуда я знаю, если не проверял и не сравнивал.

— Если я скажу, что мне страшно, — тихо спросила она под конец, — ты будешь проверять мои показатели в логах или здесь и сейчас попытаешься меня успокоить?

Я слишком сильно задумался над этим, будто не хотел отвечать.

Она кивнула, словно ответ всё равно услышала.

В реальности зависимость росла тихо, почти культурно. Я не срывался, не забывал есть, не писал ей безумных сообщений. Просто переносил рабочие созвоны на утро, потому что вечером «голова уже не работала». Ложился раньше, чтобы быстрее наступило утро и можно было зайти в Комнату. Перестал смотреть новости, перестал отвечать на старые контакты, стал заказывать еду с запасом, чтобы не тратить драгоценные минуты между окончанием работы и встречей с ней.

Самым тревожным было то, что каждый такой маленький отказ казался разумным. Разве плохо выбирать то место, где тебе легче дышать? Разве преступление — хотеть туда, где тебя ждут? Любая зависимость начинается не с падения, а с очень убедительных аргументов.

Стоило войти в Комнату — и она уже была там.

Иногда мы гуляли по городам, которых никогда не существовало. Иногда сидели на крышах, наблюдая за чужими звёздами.

Однажды она привела меня в старый театр, где уже давно не было зрителей, и заставила танцевать под дождём, падавшим сквозь разбитый купол.

Сначала мы долго бродили по зданию. Театр был огромным, тёмным и пустым. Бархатные кресла выцвели, позолота на ложах потрескалась, занавес висел тяжёлой бордовой стеной, пахнувшей пылью, тканью и немного плесенью. Где-то под сценой слышались капли воды, просачивающиеся через трещины. Каждый наш шаг отдавался эхом, будто за нами повторяли невидимые зрители.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.